СВЯТКИ.

Ахъ, Аннушка, задержала насъ булочница, поскорѣе бы намъ до Николаевны добраться, — говорила старушка дочери своей, швеѣ. Да какъ бы намъ съ тобой на переряженыхъ не наткнуться! — Обѣ ускорили шаги, снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами, морозъ пощипывалъ носъ и щеки, старушка прикрывалась головнымъ платкомъ, а дочь весело и вольно дышала, часто вскидывая голову на ясное, звѣздное небо. «Гляди, гляди, матушка, въ какихъ кругахъ мѣсяцъ стоитъ!»

Старушка пріостановилась, посмотрѣла: «Ну, это къ морозамъ. Аннушка, надо дровъ припасать» — заботливо сказала она; потомъ, набожно перекрестясь, промолвила: «пошли намъ Господи зиму сиротскую!» т. е. теплую. «Ну вотъ и садъ, — сказала старушка, едва переводя духъ, — теперь скорехонько дойдемъ, не боязно».

Аннушка остановилась передъ каменной стѣною сада, посмотрѣла на бѣлыя пышныя деревья, на голубое небо. «Какъ хорошо это, какъ мнѣ мило смотрѣть», говорила она, стараясь допрыгнуть до вѣтки плакучей березы. Вотъ захватила Аннушка жидкій кончикъ вѣтки, и пухомъ полетѣлъ на нее блестящій иней; дѣвушка засмѣялась, какъ ребенокъ.

— Чего глупая по улицамъ хохочешь, да опоку съ деревьевъ трясешь! Вотъ услышатъ переряженные, — какъ разъ привяжутся, ворчала старушка.

— Что запоздали, аль заспѣсивились! раздался голосъ женщины, перебѣгавшей чрезъ улицу.

— Николаевна, это ты? здравствуй, Васюта!

— Мы вотъ, поджидаючи васъ, въ лавочку бѣгали.

— А Лиза что? спросила Аннушка.

— Она, тётя, со смѣхомъ говорилъ мальчикъ, обронила съ башмака гдѣ–то алый бантикъ, такъ ждетъ теперь, что коли

кто найдетъ, такъ безпремѣнно ей принесетъ!

Гости и хозяева, дошедши до жилья башмачника, отворили дверь — и теплый воздухъ охватилъ ихъ бѣлымъ клубомъ. Свѣтло, тепло, радушно, хозяинъ съ Петровичемъ да кумой играютъ въ карты, въ свои козыри, Ванюша съ товарищами возятся около самовара. Лиза, завидя Аннушку, съ визгомъ бросилась ей на шею: «Тётя, тётя! Какія у меня платья! красное, да зеленое съ голубыми клѣточками, да еще какое–то, незнаю, — такія хорошія, что ты никогда не видывала!» Лиза бросилась, притащила узелокъ и, не давъ Аннушкѣ ни съ кѣмъ поздороваться, разложила все свое богатство, прыгая и крича: «Это мнѣ барышня дала, и еще апельсинъ дала, а я тебѣ его отдамъ», говорила она, опять бросаясь цѣловаться. «Какъ тамъ хорошо, свѣтло, дерево высокое, — вотъ такое», говорила она, карабкаясь со стула на столъ.

— Лизенокъ, куда ты полѣзла, закричалъ отецъ — убьешься!

Дѣвочка присмирѣла, сползла на стулъ, подняла рученки выше головы, а чтобы показать еще выше, хотѣла подпрыгнуть.

— Эй, упадешь! закричалъ башмачникъ.

Лиза немного опѣшила и стала искать глазами мѣрку по стѣнамъ, какой вышины было дерево.

— Гдѣ же это ты была, развѣ въ Марьиной рощѣ, что такое высокое дерево видѣла? спросила Аннушка.

— Что ты, что ты! тётя, какая Марьина роща, вѣдь теперь зима! Это у господъ, гдѣ мнѣ платье подарили; охъ, какъ тамъ хорошо! На деревѣ много свѣчекъ зажжено, лампадочки всякія, и синія, и красныя, и желтыя, и всякія, всякія, и конфетки, и прянички, и яблочки; еще, тётя, тамъ были золотые орѣхи, у меня есть два орѣха, я тебѣ одинъ дамъ. Я ихъ не стану больше носить вмѣсто подвѣсокъ, отъ нихъ ушко болитъ, говорила Лиза, мотая головой и держась за распухлое ухо.

Аннушка развязала клѣтчатый платочекъ, вынула нарядную куколку, собранную изъ обрѣзочковъ, распыженную

на сахарной бумагѣ, и поставила ее на столъ, передъ дѣвочкой. Лиза пристально смотрѣла на куклу, подымала плечи и глубоко вздыхала, — это былъ признакъ ея величайшей радости.

— Это мнѣ?.. проговорила она, немного дичась и взглядывая исподлобья на швею.

Аннушка весело кивнула ей. Лиза съ визгомъ бросилась ей на шею, потомъ схватила куклу, побѣжала къ матери, и во весь вечеръ только ей, да отцу позволяла брать ее въ руки; кромѣ ихъ, ни братьямъ, ни Марѳушѣ, своей гостьѣ, ни двоюроднымъ сестрамъ, племянницамъ отца, — никому не позволяла она тронуть своей куклы.

Зовутъ чай пить, ей и чаю не хочется. «Да иди, глупенькая, посади куклу, хоть около Аннушки», говорила мать, кроша ей хлѣбныя корочки въ чашку. Лиза побѣжала, пошептавъ швеѣ на ушко, чтобы никому не давала куклы.

— А мы слышали, что ты шептала, говорилъ одинъ изъ гостей. Дѣвочка нерѣшительно остановилась среди комнаты.

Мать кликнула ее: «Да полно тебѣ, пей поди, они ничего не слыхали!»

— Тётя, они ничего не слыхали? сказала Лиза, вопросительно глядя на швею.

— Ничего не слыхали, смѣясь сказала Аннушка, — твое словечко спрятано у меня въ ушкѣ.

Лиза взмахнула ручонками и побѣжала къ столу пить чай.

У ребятишекъ, въ темномъ углу, поднялся говоръ шопотомъ; они, сбившись въ одну кучу, надъ чѣмъ–то возились.

— Эка харя–то, харя–то! сущая образина! за мѣсто усовъ, братцы, ей бы мѣху какъ пристегнуть.

— Ванюрка, а Ванюрка! ты ей клюквой щеки–то протрешь, пра, протрешь! говорилъ другой гость, почти лежавшій на плечахъ товарищей, которые мастерили личину.

— Куда языкъ–то задѣвали? суетясь спрашивалъ одинъ изъ мастеровъ. — Митроша, никакъ ты на него разсѣлся? — И нѣсколько рукъ проворно и не обинуясь стащили мальчика съ лавки, который,

впрочемъ, при первомъ словѣ и самъ хотѣлъ вскочить, да не поспѣлъ.

— Вотъ, вотъ онъ! кричали всѣ разомъ, подымая съ полу кусокъ красной байки. Ребятишки всунули лоскутъ въ разрѣзъ губъ, и всѣ удивились страшному виду маски.

— Вотъ страсти, такъ страсти! нука–сь, Васюта, приложь–ка на себя, сказалъ главный мастеръ.

— Нѣту, нѣту, не надо, говорилъ старшій хозяйскій сынъ, пятясь отъ размалеваннаго листа бумаги, — мама забранитъ, она съ тятей ни за что не велятъ харь надѣвать! — «Ну вотъ, не увидитъ,» шепотомъ приставалъ гость, наступая съ маской на маленькаго хозяина.

— Не тронь его, — перебилъ другой, вишь трусъ, самъ боится, а на мать сваливаетъ!

Вася было пріостановился, обидно ему было, что товарищи трусомъ обзываютъ, взялъ было рожу, но подумавъ, опять опустилъ, говоря: «Нѣту, нельзя, послѣ хари надо въ Іордани омыться!»

— Эхъ ты, продолжали тѣ, да нешто она узнаетъ, — вишь, съ самоваромъ возится!

— Что–о! чего мать не узнаетъ? отозвался сапожникъ, — все узнаетъ, на то она мать!

Ванюша покатился со смѣху, видя, какъ у гостей вытянулись лица.

— Ай да тятя, все–то онъ услышитъ!

Ребятъ кликнули, дали закусокъ, тѣхъ что подешевле: орѣшковъ, жемковъ, постилы, да по винной ягодкѣ, — съ полными горстями пошли они выбирать себѣ мѣсто, гдѣ бы всѣмъ усѣсться. Передъ большими гостями стояли на тарелкахъ: мятные прянички, клюквеная и яблочная постила, винныя ягоды, жемки, ковришки и любимое наше русское лакомство, — каленые орѣхи. Все это лакомства не дорогія, а у насъ всякій семьянинъ считаетъ долгомъ отпраздновать святки по своимъ средствамъ, собравъ родныхъ и друзей позабавиться прадѣдовскими играми и пѣснями.

— А что же это мы не по святочному святки празднуемъ? говорилъ хозяинъ,

посматривая на гостей, — спѣть бы дѣвицамъ подблюдную пѣсенку. Можетъ статься Аннѣ Степановнѣ выдетъ: «Катилася жемчужинка по атласу, по бархату, прикатилася къ яхонту,» продолжалъ хозяинъ, ласково взглядывая на молодую дѣвушку и на мать ея.

— Гдѣ ужь, Василій Ивановичъ, моей жемчуженкѣ катиться по атласамъ, да бархатамъ, вздыхая говорила старушка, — впору ей хоть бы не спотыкаючись вѣкъ прожить!

— И, полно, матка, перебила ее бойкая кума, нешто ты ея судьбу спознала? судьба–то людская у Бога за пазушкой живетъ, не намъ съ тобой ее разгадывать! Давайте въ курилку играть, аль золото хоронить, — сказала Анфиса Яковлевна, досужая хозяйская кумушка, вѣковѣчная указчица и заводница игръ и старыхъ обрядовъ. Ребята, заслыша, что хотятъ въ курилку играть, ихъ любимую игру, попрятали по карманамъ орѣхи и окружили крестную мать свою.

— Ну вотъ умники, говорила кума, гладя по головкѣ то того, то другаго крестника: напередъ всего надо отдать славу, начинай–ка ты запѣвало, куманёкъ!

Кумъ откашлялся и, вскинувъ голову, вольно и звучно запѣлъ; съ голосомъ его слилися всѣ голоса, старые, малые и молодые; никто не отнѣкивался и не отказывался пѣть родныя наши пѣсни, знакомыя каждому съ–издѣтства. Запѣли славу, эту передовую святочную пѣсню:

Ужь, какъ слава тебѣ, Боже, на небеси, слава!
За святую волю тебѣ, Боже, слава!
Ужь, какъ нашему Царю на землѣ слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтла, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ неизмѣниваться, слава!
Его вѣрной рати не изстариваться, слава!
Его ратнымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Чтобы царева золота казна, слава!
Была вѣкъ полнымъ полна, слава!

Что большимъ рѣкамъ сверху до моря, слава,
А мелкимъ рѣчкамъ, на помолъ идти, слава!
А мы пѣсню свою Государю поемъ, слава!
Государю поемъ, ему честь воздаемъ, слава!

— Ну вотъ, починъ сдѣланъ, возвеличили батюшку Царя бѣлаго, теперь давайте... и не договорила кума, какъ со всѣхъ сторонъ явились передъ нею зазженыя лучинки, и мальчики совали ей наперерывъ каждый свою. «Видишь, сказала кума, — какіе охотники до курилки». — «Крестная, возьми мою! крестенька, мою возьми, моя подлиннѣе будетъ!» кричали маленькіе хозяева, вертясь передъ крестною матерью и суя ей въ руки лучинки свои. «Нѣтъ, мою!» кричалъ бойкій гость, бросая чуть не въ колѣни Анфисѣ Яковлевнѣ зажженую курилку.

— Что балуешь, озорникъ эдакой! закричала она на мальчика, затаптывая лучинку.

— Напередъ всего, умники мои, — давайте золото хоронить, — это что ни–на–есть притоманная святочная игра, продолжала она, стаскивая съ середняго пальца своего перстень съ тремя вставочками, какъ встарь называли дорогіе камешки. Всѣ, старый и малый, усѣлись въ кружокъ.

— Ну–ка, Аннушка, выходи–ка ты на середку отгадывать!

Услыхавъ приглашенье, швея крѣпче прижалась къ спинкѣ стула.

— Ступай, Аннушка, идите, Анна Степановна! раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Нѣту, Анфиса Яковлевна, я не пойду, вы станете плясать, а я не умѣю, говорила дѣвушка.

— Да что ты, мать моя, ученый танецъ какой, аль польку прыгалку неволю я тебя плясать, говорила Анфиса Яковлевна, таща Аннушку за рукавъ: эдакая красавица, да

не съумѣетъ бѣлой лебедью пройтись, руками надъ головушкой развести, да честнымъ гостямъ поклониться! Полно, золотая, не спѣсивься, говорила кума, ставя подлѣ себя робкую дѣвушку, не давая ей опомниться и придерживая ее все еще за рукавъ.

Она запѣла, а за нею и всѣ, отъ мала до велика, подтягивали:

Ужь я золото хороню, да хороню,
Чисто серебро хороню, да хороню,
Я у батюшки въ терему, да въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, да въ высокомъ.

Пока пѣли, кума обходила играющихъ и примѣрялась, у кого схоронить перстень; она по–очередно опускала свою руку въ закрытыя пригоршни играющихъ. Когда она подошла къ Лизѣ, то ребенокъ радостно взвизгнулъ, но потомъ съ изумленіемъ закричалъ вслѣдъ кумѣ: «Крестная, крестная, у меня нѣту,» — и протянулъ къ ней ручонки.

— А ты молчи знай, — кабы не визжала, такъ бы крестная у тебя перстенекъ схоронила, сказалъ отецъ. Лиза задумалась. Вдругъ ладъ пѣсни перемѣнился, и кума, приплясывая и похлопывая въ ладоши, запѣла, подступая къ Аннушкѣ:

Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ былица, змѣиная крылица!

Съ дѣтства любимая, родная пѣсня по дѣтски, довѣрчиво и весело настроила швею; она было начала: «Ужь я рада бы»... «Нѣту, нѣту, постой, эдакъ въ сѣткѣ не ладно плясать, говорила самовластная Анфиса, — дай–ка, сложимъ платокъ, да вотъ такъ, вмѣсто ленты повяжемъ»; потомъ сняла съ себя крупные граненые янтари, по голубиному яйцу каждый, и надѣла ихъ на Аннушку. «Чѣмъ не купеческая дочка!» говорила кума, выводя ее передъ собой и, приплясывая, повторила

послѣднія слова пѣсни: «Гадай, гадай дѣвица» и пр.

«Ужь я рада бы гадала, кабы знала»... запѣла Аннушка, тихо подплясывая, обходя комнату мѣрно и плавно, разводя руками.

Всѣ подхватили слѣдующіе стихи:

Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ переплетаючи,
Палъ, палъ перстень
Во калину, во малину,
Во черную смородину;
Ахъ вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте...

При послѣднихъ словахъ, Аннушка, приплясывая, стала разводить надъ головой руками и низко кланяться гостямъ, какъ бы прося не утаить ея золото. Кума же, приплясывая и приграживая, подступала къ ней, и всѣ запѣли:

Меня мати хочетъ бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертыимъ жемчужнымъ.

Дѣвушка тихо и мѣрно шла, разводя руками и погибаясь изъ стороны въ сторону; потомъ дѣлая видъ, что плачетъ, закрыла лицо руками.

Въ это самое время, съ улицы смотрѣли въ низенькое окно двое прохожихъ: «Гляди–ка, малый, — говорилъ плотный, здоровый старикъ, подталкивая сына своего, — гляди–ка, что за краля! такой и на нашей сторонѣ поискать стать». Сынъ всѣмъ лицомъ припалъ къ стеклу. «Те, те, те, да это Анфиса передъ нею разстилается», — продолжалъ старикъ, налегая на стекло. Мерзлая оконница не выдержала двоихъ дюжаковъ, треснула и со звономъ полетѣла за зимнюю раму; въ горницѣ всѣ вскочили. — «Это что, морозъ! — проговорило нѣсколько голосовъ, знать морозъ!» «А какъ знать, можетъ статься и суженый высматриваетъ

свою ряженую» — бойко и находчиво сказала кума. Всѣ захохотали, мальчики бросились на улицу, но слышали только издали замолкавшій хрустъ снѣга подъ сапогами. «Суженый–ряженый, право суженый», кричали они, вбѣгая въ комнату. Аннушка переполошилась, убѣжала, сѣла въ дальній уголъ и на всѣ увѣренья кумы молчала и не шла отгадывать. «Эхъ, проговорила Анфиса, — не ладно дѣло, игру не доиграли; барышни–то — при этомъ она съ затаеннымъ неудовольствіемъ кивнула на двухъ разряженныхъ горничныхъ, племянницъ хозяина, — по нашему не умѣютъ плясать!» — «Нѣ–ѣтъ–съ, — ломаясь проговорили карикатуры своихъ госпожъ, — мы бы лянсье, или польку трамблемъ, съ удовольствіемъ!» — «Нѣту, сударушки, ласье, да полька тромбовка подъ дѣдовскую пѣсню не пляшутся, подъ нашъ старый ладъ нейдутъ!»

Палъ палъ перстень,
Во калину, во малину...

Запѣла съ напряженьемъ Анфиса Яковлевна, потопывая и похлопывая въ ладони; за нею опять всѣ, настроясь, запѣли:

Во черну смородину:
Очутился перстень
У дворянина, у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На пальцѣ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали, да не отгадали —
Наше золото пропало,
Да и порохомъ запало
Закутило, зашумѣло….

Да и заиндевѣло, — покончила кума, разводя руками; «давай–ка сюда колечко–то, Васинька! Ну что, опять курилка подоспѣла?» обратилась она къ ребятишкамъ, которые уже толпились около нея съ лучинами! И вотъ усѣлись всѣ въ кружокъ, дѣти наперерывъ хватали зажженую лучинку и совали скорѣе сосѣду, чтобы она у нихъ не погасла; а у кого курилка помираетъ, тотъ идетъ въ кругъ

плакать или тужить по немъ, то–есть плясать.

Живъ, живъ курилка,
Живъ, живъ, да не умеръ,
А у нашего курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька;
Живъ, живъ, да не умеръ,
Не заставилъ по себѣ плясать!

Пѣсня эта начиналась протяжно, на третьемъ же стихѣ учащалась, по скорости, съ которою суетились другъ другу передать курилку. Никто не могъ разобрать, у кого померъ курилка, — только лежалъ онъ у Лизы поперекъ колѣнъ. Дѣвочка широко развела ручонками и не хотѣла дотронуться до погасшей лучинки, — и между ребятами вышелъ споръ, у кого курилка померъ.

— Э, да что тутъ толковать, говорила Анфиса Яковлевна: ребятьё, идите сюда, и ты, Полизеночекъ мой, пошелъ сюда, говорила она, ставя Лизу посередкѣ со своимъ пріемышкомъ, крестницей, блѣдной

толстой Марфушей; а вы, дѣвки, избочитесь, вотъ такъ, показывала она, ворочаясь передъ ними, фертикомъ; ну, кивнула она куму: запѣвало, начинай!

Заинька, поскачи, сѣренькій попляши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись...

Дѣвочки прыгали, вертясь, хлопали другъ передъ другомъ въ ладоши, крестная держала ладъ, подскакивая то къ одной, то къ другой и нахлопывая имъ мѣру надъ ухомъ:

Заинька попляши, сѣренькой, поскачи,
Взявъ себя за бочка!

Мальчики также прыгали, съ присвистомъ кружились и скакали въ присядку.

Заинька въ ладоши, сѣренькой въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернися.

При этомъ поднялось дружное хлопанье и топанье, а между тѣмъ одна пѣсня смѣняла другую. Хозяинъ, послушный родительскому приказанью не мѣнять дѣдовскаго платья на нѣмецкое, стоялъ впереди всѣхъ въ своей красной косовороткѣ и, подбоченясь и поднявъ руку, прищелкивалъ плясунамъ. Ребятишки вкругъ него и колесомъ ходили, и дребедень меледили, и ногами и руками выкручивали. «Ай знатно, лихо, ребята!» кричалъ Петровичъ; наконецъ онъ не вытерпѣлъ, свистнулъ и пошелъ трепака, а мальчики, кто съ прищелкой, кто съ посвистомъ, ударились вкругъ него въ присядку. Свѣчи мельтешатъ, пламя такъ и гнется въ сторону; изъ растворенной настежь двери сѣдой паръ широкимъ пластомъ стелется по горницѣ, а плясуны ничего не видятъ и не слышатъ. Поводильщикъ медвѣдя привелъ: тяжело мишка на четвереньках чрезъ порогъ переваливается, букой ступаетъ и рычитъ, а коза подъ бѣлой простыней трещеткой трещитъ и льняной бородою поматываетъ.

«Святочники, окрученые!» закричали дѣти и попятились назадъ; Лиза спряталась за мать. «А ну–ка, Настасья Петровна, поворачивайся, на дыбки подымайся,» говорилъ поводильщикъ, стараясь перемѣнить голосъ, кланяйся хозяевамъ, хозяйскимъ хлѣбусоли. Медвѣдь съ ревомъ повалился на землю, поводильщикъ дернулъ цѣпью, Мишка поднялся на дыбы. «Ну, а покажи–ка, какъ малые ребята горохъ воруютъ!» Мишка тяжело опустился на землю и поползъ на животѣ по–полу. Ребята запрыгали и захохотали: — Ай да, Настасья Петровна! «Ну ка, Настасья Петровна, какъ это, бывало, старыя бабы на барщину хаживали, да покрякивали?» Медвѣдь, сгорбясь, покрякивая и прихрамывая, пошелъ тихонько по комнатѣ. Дружный залпъ смѣху еще болѣе ободрилъ поводильщика и медвѣдя. «А покажи–ка, какъ красныя дѣвушки бѣлятся–румянятся, да изъ подручки жениховъ высматриваютъ!» Медвѣдь сталъ тереть себѣ скулы и щеки и коситься изподлобья. «Скажите пожалуста, глупости какія, очень

намъ нужно!» отозвались жеманясь горничныя. Поводильщикъ забылся и заговорилъ своимъ голосомъ: «А какъ пьяные по землѣ валяются?» «Митянька, крикнулъ хозяинъ, узнавъ поводильщика по голосу, — ну Митрій и есть!» — «Ужь ты, Митрій, покайся пожалуста, упрашивала хозяйка, — «вонъ дѣвчушка буки боится!» Поводильщикъ тряхнулъ головой, махнулъ рукой: «Эхъ, вѣдь говорилъ Ѳомкѣ, давай я пойду медвѣдемъ; а ты ступай поводильщикомъ, такъ нѣтъ, вишь, дай самъ, ну вотъ и продалъ городъ!»

«Ѳомка — Ѳома, большая крома»! раздалось со всѣхъ сторонъ. Медвѣдь, осерчавъ, сбросилъ съ себя вывороченный черный тулупъ.

— Ѳалалей ты эдакой, говорилъ онъ укоризненно поводильщику.

— Да я что, нешто я...

— Пра, Ѳалалей, повторилъ медвѣдь, скидая тулупъ.

Въ дверяхъ показались еще переряженные: горбунъ въ шапкѣ треухѣ, съ горбомъ спереди и сзади, и турокъ съ

балалайкой; на туркѣ было надѣто три женскія платья, одно короче другаго, а голова закручена платкомъ; онъ бренчалъ на балалайкѣ, выплясывая казачка; горбунъ передъ нимъ ковыляетъ, подпираясь и постукивая палкой; коза прыгаетъ и трещитъ; ребята вокругъ переряженныхъ на головѣ и рукахъ колесомъ ходятъ.

На все это долго, старательно смотритъ Лиза, пялитъ сонные глазенки; вотъ мерещится ей, что кроватка придвигается все ближе да ближе, Лиза также невольно тянется къ ней, и бухъ, прямо на подушечку. Тятя, лепечетъ дѣвочка, узнавая надъ собою бороду отца, тятя, договариваетъ она, засыпая... ставни закрылись въ крошечномъ живомъ домикѣ, вѣки на глазахъ Лизы сомкнулись; и двери уже заперты, словно никого дома нѣтъ, уши закрылись, и сознаніе ушло глубоко внутрь; малютка ничего не видитъ и не слышитъ, хотя надъ нею и вьется пыль столбомъ, отъ пляшущихъ; хотя и дрожитъ ея скрыпучая, жиденькая кроватка, отъ топанья и кувырканья ребятишекъ.